
Полина Колосскова
КОМАНДА
ЛАРИСЫ
18+
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Полина Колоскова

Команда Ларисы

«Автор»
2026

Колоскова П.

Команда Ларисы / П. Колоскова — «Автор», 2026

Лариса из Северного Тушино после детства растеряла способность радоваться. У неё это получалось, но что-то постоянно шло не так, и оказалось, что самое простое — всё бросить. Как например, себя. Но главное — как подняться. Мистический любовный роман о созависимости, зависимостях и постмодернизме. Попытка зафиксировать распадающегося на части человека, не справляющегося с нагрузкой и интенсивностью происходящей жизни. Герои не различают реальность и не существуют в ней в полной мере: кто из-за нежелания, а кто из-за отсутствия воли.

© Колоскова П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Привет! 5
I.I. ВПЕРВЫЕ 6
I.II 9
II. ХВАЛА НЕБЕСАМ ЗА НЕБЕСА 12
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Полина Колоскова
Команда Ларисы

Привет!

Мне хотелось сказать Кате @calohoma огромное спасибо за красоту, что она подготовила для обложки книги, Диму, моего питерского друга, за то, что сделал в свое время часть этого текста более грамотным. (часть!), а также всех первых читателей этой истории.

Моя Лариса была написана в 2019 году, черновик вышел совсем никакой, его нельзя считать, но история и героиня мне нравились и я продолжила более детальную работу над историей. Итоговый черновик был готов в январе 2023 года. К сожалению, никто из издательств его не рассмотрел, история и заглохла.Сейчас при публикации мной движет интерес, поскольку я буду проводить глобальную редактуру, вернее сказать, цензуру. Приглашаю присоединиться к этому процессу.

Сейчас при публикации мной движет интерес, поскольку я буду проводить глобальную редактуру, вернее сказать, цензуру. Приглашаю присоединиться к этому процессу.

I.I. ВПЕРВЫЕ

Впервые Тим услышал ее по запаху, он услышал, как среди холодных металлических камер хранения, покрытых серой краской, местами треснувшей, женский с хрипотой, где-то рядом, сам себе под нос, голос:

– Дыней пахнет.

Если бы Бог решил сейчас опустить взгляд с неба, если постараться увидеть то, что увидел бы он в этот остановившийся миг, увидеть две темноволосые макушки: одна с повышенной кудрявостью и рыжим отливом путанных волос; другая с еле заметными нитями ранней седины; две темноволосые макушки, разделенные стройными рядами железных ящиков. Мужское ухо, прижавшееся к ним в бессознательном движении порыва души, скоординированном сердечным компасом судьбы.

Впервые – из тисков реальности, словами: посмотри вокруг, посмотри, где ты сейчас, останови хаос, что ты несешь, хаос, что ты есть. Впервые – не сотрутся детали, запомнится каждая фраза, каждая не успевшая долететь до головы мысль, пятнышко на рубашке или разбитая на удачу чашка с утра.

Через стенку от ошпаренного солнцем уха, макушка, вторая темноволосая голова, как выключенный экран монитора, или даже как когда зажмуришься – цвета черного и заурядного, девушка стояла, прижав рукой нос, вывернув ладонь к потолку, согнув кончики пальцев, словно что-то в них зажав. Взгляд ее – взгляд на смотрящего – выдавал отсутствие души в теле на вокзале, и полет ее где-то далеко за пределами Москвы, пределами видимости воздушных суден. Неожиданно произошедшая разгадка, волновавшая ее последние часы – запах туалетных духов, взятых у родителей среди забытых постояльцами вещей, и отключенные голова и тело в минуту, в ту минуту, когда чужой слух за металлическим ящиком ловил каждое ее движение, в том числе и голоса.

Голова вообще плохо дружила с телом Ларисы, сон не шел ночью, сон просился днем. Глаза постоянно слипались, кофе ни в каких количествах больше не помогал.

Встреча с родителями, их старый новый дом, состояние расслабленного ничегонеделания под звуки моря за открытым нараспашку окном – все это не снимало напряжения в теле и пальцах, напряжения, так и просившего найти выход. По приезде в Москву недовольство обострилось до предела, оно накатило в первую же минуту, как ноги ступили на вокзал. Ларисе надоела ее работа на телефоне и обработка однотипных заказов, ей надоело ее окружение, шутки и досуг, ей надоело ежедневно возвращаться по часу в забитом метро до дома, входить в свою поганую квартиру и вести свою поганую жизнь, она впала в крайнюю тоску, она не вылечилась родными, не нашла успокоения, и болезнь ее прогрессировала.

И стоя на вокзале, прижав руку в глупом движение к носу, раскрыв ладонь к бетонному Богу, как бы нечаянно и без эмоций, она повторяла почти про себя, но вслух, снова и снова: «сраная, сраная, сраная дыня, с детства ее ненавижу».

Но дыни она всегда очень любила.

А когда она пришла в себя, откинула руку в положение «место», подняла с пола выцветшую тряпичную сумку на плечо, чтобы направиться к метро, отгоняя сон от раскрытых глаз, их поймал мужчина со взглядом мальчика, и душа Ларисы испугалась – она с такими не связывалась.

Он смотрел на нее, не понимая, что смотрит на вымысел, привидение – как она оказалась здесь? Разыгравшаяся от скуки фантазия привлекла его к ней и вышла за рамки помыслов, но рука обозначила плотность происходящего, не сдержавшись, поймав Ларису за локоть. И когда она, вся попытавшись увернуться, изогнулась: руками, талией и шеей – прочь, вырваться, так и оставшись в ловушке его желания прикосновения, она развернула лицо к запыленному стеклу

окна, солнце закрыло глаза девушки, солнце хотело как лучше, хотело подчеркнуть вытянутый природой нос, и приподнятую верхнюю губу, дать рассмотреть ее – она не вымысел.

И он спросил:

– Вы любите танцы?

Это уже был не мужчина, а сплошная надежда – ему бы хватило подаяния в виде легкого кивка. Для нарисованного в моменте идеального образа безымянной героини, нужно было подтверждение ее любви к движениям, чтобы он сразу же бесповоротно влюбился, на сколько его хватит.

Солнце спряталось и позволило Ларисе открыть глаза на охотника с нацеленным ружьем, и оружие оглушило страхом вовсе не летящей пули, а страхом отведенных слов – где их найти?

И как не поддаться сопротивлению, наполняющим злобой, раздражением на стоящий на трех слонах свет, на людей, всех людей вокруг без различия, не ругать, не ругать, не ругаться, что больше негде спрятаться; а если негде спрятаться в собственном теле, в собственной жизни – куда же ей теперь деваться, Ларисе?

– Пойдем со мной, – сказал Тим Ларисе.

И она поддалась, не зная, что им приготовлено, как и никто впрочем – когда идет с новым знакомым в будущее, ну, или в машину.

Единственное, что знал Тим о будущем – однажды он умрет. Сейчас же он не был готов к смерти, он готовился к шикарной жизни полной огней ночного города, полной прекрасных женщин и мужчин, словно состоящих из музыки, что они впитывают кожей от одного бара или клуба к другому, из музыки состояли выдохи табачного дыма, разноцветные коктейли и ищущие взгляды.

Под его аккуратными черными бровями, в больших синих глазах, постоянно наблюдающих за миром, царило волшебство жизни. «Жизнь, жизнь, жизнь..» – как имя любимой женщины, он произносил заклинанием еле слышно, в минуты победы удовольствия над скукой.

Был ли или не был в его уме уголок потаенного желания смерти, мы гадать не можем, позволим лишь предположить, что у каждого человека в голове такой угол имеется, но… в душу чужую правильно не пускают постороннего, место постороннему только в своей душе, на чужую оболочку смотри, наслаждайся, но там тебя не ждут, силой или просьбой не суйся, нужно будет – расскажут.

Второй сильной любовью Тима после танцев была увлеченность языками. Говорил он кроме русского на английском, французском и бегло на китайском – за азиатами будущее. Говорил он, раскрыв еще шире большие глаза, почти не моргая, чтобы не отвлечь густотой ресниц, откуда-то взявшемся элементом женской красоты в его мужественности. Говорил он со всеми леди языком изящным и пленяющим, для них глаза иногда могли прищуриться, будто пытаясь что-то увидеть вдалеке или поиграться, чтобы одна из десятков таких одних могла заметить знак и принять его на себя, леди – потому что так учил его отец в отношениях с матерью, в нежности с ней, бережной заботе и любви только к ней одной.

И не виноват был Тим в том, что устройством иной формы вышло его сердце. И может быть, это сердце скромной в ухаживаниях и молчаливой матери, на самом деле тайно наблюдающей за джентльменами двадцатого века вокруг. Может, это сердце взялось из ниоткуда и случайно, но оно вышло таким, каким вышло, сердца пока не пересаживают. И может, во времена, когда все будут говорить на китайском и даже позабудут французский поцелуй, начнут. Но пока наш герой довольствовался уроками в обращении с тем сердцем, что досталось ему от природы, и было оно ему в самый раз.

И знал Тим, что самый скорый способ завоевать даму – это не оглушить ее горячим шотом, и не лезть к ее губам своими пьяными, и не лапать руками, надоедая.

Его мать и отец – эталон счастливой жизни, познакомились на танцах. И если приглянулась девушка в каком бы то ни было месте, при каких бы то ни было обстоятельствах, даже если

нужда привела тебя в самый непривлекательный вокзал на твоей памяти, а ты свернул куда-то не туда, потом еще раз и снова; и вот ты среди камер хранения, запах дыни у тебя в носу, но ты сам его не чувствуешь – ты просто услышал, что он есть и доверился. Услышал, что он есть, нежный голос влажных губ – он рассматривал их на раздражающей Ларисе близости**.** Губ, которые не может испортить горечь алкоголя… И дыхание кончится, конечно, а ты выдохни, а потом позови эту девушку танцевать. И не когда-нибудь однажды никогда, а прямо сейчас.

Потому что хороший танец – это постановка движений, это мягкие и уверенные перемещения в специальном воздушном пространстве над землей с полом и стенами, потолок можно и забыть, стены можно недостроить; пальцы скользят по коже, и нельзя угадать, часть ли это общего или намеренная слабость.

И мы не можем угадать, что было на душе у Ларисы. Она рассматривала лицо Тима, его женские ресницы. Ей захотелось выпить водки прежде, чем отвечать на прямой вопрос – она не знала, она ничего никогда не знала наверняка. Она не была уверена и в такой уж надобности водки, но та слишком хорошо подходила под морщину между бровей, а Лариса любила, когда детали складывались. Дома водка была.

– Танцы? Почему бы их и не любить, – сказала она, глядя на две цифры на серой дверце камеры хранения, через миг забыть. Она сказала это так, будто можно было забрать ее тело и делать с ним, что вздумается. Главное, душу девушки отвезти домой и дать выпить рюмку водки, запив гранатовым соком.

«Почему бы их и не любить» звучит как «я тут ни при чем», оно звучит: «я не очень-то и хочу, но если очень надо, то договоримся». «Почему бы» – Лариса никогда по-настоящему не хотела ехать с Тимом к себе домой, она просто мало чего хотела в принципе, и перспектива оттянуть момент встречи с перегруженным метро, перспектива нарушить тишину и поговорить с кем-то кроме «мама, я доехала» – перспектива чуть позже встретиться с собой наедине – ее устраивала.

I.II

Тим вспомнил, что Лариса несет сумку только тогда, когда она попросила открыть багажник.

«Чудак» – подумал один из них.

Он наскоро подошел к девушке, чтобы помочь, оба они смутились различием в величине их шагов.

«Три к одному?» – спросил себя другой из них.

И Тим открыл перед леди дверь черной машины.

Снежинки медленно опускались на землю. Кошки местных квартир приклеились к окнам в перерывах между сном, и взглядом кружили по воздуху вместе с небесными посланцами – стать бы в следующей жизни снежинкой, только не одной из тех, что исчезает на протянутом ей языке, снежинке, сгорающей в человеческом пожаре, а одной из этих безнадзорных страниц, посланной с небес настоящими богами.

Если солнечные дни зажигают на душе огонек наивной радости, если в теплую пору на одну сложность приходится множество простых решений, появившихся будто извне; то смотря на снег и сугробы день ото дня, хочется самому заморозиться до начала весны, чтобы наконец двинуть кончиками пальцев ноги как после шавасаны в медлительной умиротворенности.

«Мне нравится как он обращается со мной».

Где значило: он замечает меня.

Лариса опустила зеркало перед собой, проведя пальцами по приятной кожаной поверхности, по сидению рассыпался снег с волос. Она чувствовала тягу Тима, и улыбнулась себе глазами, как учила Тайра, как учились они с сестрой напротив темно-коричневого лакированого трюмо, сев на пятки и соприкоснувшись локтями.

Тим смотрел на девушку возле себя, попутно пристегиваясь, и картинка на миг уехала в сторону, к горлу и вискам подступила тошнота – он постоянно болел, он постоянно чувствовал себя как-то не так, где-то не здесь. У него была своя собственная болезнь, своя собственная аллергическая реакция на проживание жизни.

Когда время пришло в обычное движение и пространство стало ощущаться спокойно, он улыбнулся тому, как изящно выходило у Ларисы поправлять волосы – так же изящно, как и у любой женщины, когда на нее револьвером приставлен взгляд мужчины. Она плавно перебирала пальцами с наигранной непринужденностью, а он наслаждался профилем ее почти детского лица. Небольшие губы, нос, подтянутый кверху, разбросанные во все стороны ресницы. И уже не в силах терпеть горящей от внимания щекой, она повернула на него синюю пропасть вместо глаз.

Человек, которого так любили за глаза, взаимно превознес их значимость. Порой Тим замедлялся у зеркала и рассматривал себя: как менялся от улыбки, от недовольства. Рядом с красивой девушкой он всегда должен был ненадолго отлучиться, уединиться, он нуждался в своем отражении, без взгляда на него он не знал как себя вести:

«Этого ты хочешь?»

«Теперь-то ты счастлив?»

И он искал и искал, в мельчайших движениях души, искал слабый голос себя, годами скрывающийся под давлением разума.

Лариса бросила на него пустоту встреченного в темном переулке громилы, она лениво засасывала внутрь себя. Она была также холодна, как и он сам, когда оказывался перед отражением. Ему хотелось, чтобы она спросила: «Это то, чего ты так хотел? Я – это то?» Но она просто втягивала и втягивала все глубже и глубже, не чувствуя предела, не чувствуя, потому что ничего не делала, само ее существование сейчас на соседнем сидение в машине втягивало,

самим существованием ее Тим терял себя. Он хотел, чтобы она сказала ему: «Да, это я, да, хватит так смотреть на меня, да, ты хотел только меня, только, меня».

«И что же мне сейчас с ней делать. Смешно должно быть с самого себя так растеряться. Смешно так засмотреться. Не от того, что ничего о ней не знаю, впервые вижу, а оттого, что хочу узнать о ней все, что хочу видеть ее всегда. Смешно?» По крайней мере так сейчас. А сейчас – так ли уж мало, сейчас, когда будущее не поддается планированию.»

Не может же взгляд открыть горизонты возможной близости с человеком. Не может же взгляд другого инженерного устройства вдруг ни с того ни с сего показаться родным, давным давно знакомым и даже любимым? Но на всякий случай, Тим старался запомнить каждый миг их встречи, чтобы случайно не растерять.

Если Лариса и могла обмануть хрупкостью коричневой дубленки, свободными джинсами, скрывающими фигуру, то в грязных поношенных ботинках – в них Тим считывал несоответствие внешнего и внутреннего, он отчетливо понимал, что в ней бурлит темнота души ее глаз, что уместность каждой случайно подобранной линии, неоднородно вписывающейся в строение тела – лишь форма взаимодействия с окружающим миром, но не она.

Но вдруг он остановился. Вот он, нужный момент, вот он – здесь нужно взять паузу, чтобы не зайти слишком далеко, чтобы не перейти грань.

Не открывать Америку, не исследовать Африку, не рассказывать, что нет ничего однородного, нет ничего; Тим по природе своей всякие жизненные обстоятельства разного рода отягощения привык рассматривать с **удобных** ему углов. Ему было неинтересны другие люди, ему хватало себя. И когда ему что-то не нравилось в леди, которую ему хотелось заполучить, с которой ему хотелось стать not a gentle man, он представлял следующую картину: она, точь в точь такая же, как сейчас, она вдруг снимает с себя один предмет одежды за другим. Она не имеет собственной власти. Тим представил Ларису, снимающей дубленку, он почувствовал температуру воздуха, распространяющегося возле ее рта при выдохе, представил, как она снимет ботинок за ботинком и за ними кремовые носки, снимает кашемировый свитер почти такой же нежно-светлый, как и ее кожа, и оставшись в пудровой майке, облегающей маленькую грудь без бюстгальтера, она поднимает на него взгляд, и он возвращает возможность смотреть за себя, а не через нее.

– Куда ехать?– спросил он, глядя перед собой. Ему казалось, что слова звучат неестественно глупо, но он не мог вспомнить, как разговаривал обычно и происходило ли хоть что-либо необычного в действительности.

– В Тушино, – ответила Лариса.

Тим включил «BBC» радио. Лариса привыкла слушать музыку громко, она жила с музыкой, сливаясь с ней в одно. И она легко принимала вкусы других, она все принимала легко – не уйти бы из вымышленной границы равновесия.

Она выдохнула и расстегнула верхние пуговицы дубленки. Ехать приятно. Тим увидел воротник свитера, и ему стало забавно, что тот выглядел ровно так как и представлялся, когда снимался с тела Ларисы.

Ей не хотелось слишком рассматривать. Правила приличия в голове: нужно поддерживать разговор, нужно быть вежливой, участливой. Теплота салона убаюкивала. Не хотелось думать как придется прощаться. Предложить чай? Домашний пирог с вишней, который передала ее улыбчивая мать, даже готовящая с этим своим характерным «хм, хм».

И ей очень нравилось, что Тим совсем ничего не говорит, что он дает ей молча растекаться рядом на сидении и смотреть на красоту за окном, не засоряя радио друг друга лишним бесполезным ворохом слов, от которого так сложно иной раз убежать с другими. Языке, что не слышат уши, не слышит кожа, не видят глаза. И лишь за нехваткой – чего же именно? – считываются мысли. Склонность к лингвистике здесь не требуется. Лишь отдых. День за днем день за днем что-то говорить, что-то показывать. Хочется помолчать.

Она все же бросила на него один взгляд, один лишь – бросила – то есть повернулась как-то резко, градусов на сорок (какая точность), и опять бестолково уставилась, неловко, неопытно. В голове у Тима повисла тишина, он не потому молчал, что не хотел давить – у него совершенно не было никаких мыслей, он опять впал в свое странное апатичное состояние болезненного человека. И он был благодарен за молчание ровно до того момента, как оно закончилось. Потому что слыша голос Ларисы, уже нельзя было желать, чтобы он прекратил звучать.

– Меня зовут Лариса, – голос ее как волна о скалы, как пение птиц, треск костра, детский смех и желанный секс.

– Очень приятно, Лариса, - впервые произнес он ее имя, впервые язык его отскочил от зубов в мягком «л», – меня зовут Тим.

Светофор загорелся красным, медленно и уверенно, как песок в перевернувшихся часах, посыпались через дорогу люди. Теплота между героями увеличивалась по направлению их хода.

– Мне нравится. Что иногда так случайно можно встретить кого-то.

Она так разогрелась, что как будто уже выпила рюмку. Ее настроение приобрело оттенок радости, улыбка не слезала с лица, глаза бегали от одного здания к другому, наблюдая за картинкой за окном. Хотелось, чтобы дорога не кончалась.

– Это взаимно. Мне тоже нравится.

– Мне кажется, что любые чувства всегда взаимны.

Тим посмелел и посмотрел на Ларису.

– Вывод?

– Догадка.

– Какие-нибудь наблюдения у тебя еще есть?

– Разве что: не пить текилу с шампанским.

Тим наморщился. Вот и леди. Тем более, говоря об игристом.

II. ХВАЛА НЕБЕСАМ ЗА НЕБЕСА

Лариса прожила уже одну большую маленькую жизнь в центрифуге безумия вечности душ из тела в тело перелетающих.

Что делать, если однажды ты, все имея, решил вырасти, сбросить затертые джинсы и побитые конверсы, сменить их на мартинсы, начать жизнь с нового листа, повзрослеть?

Жизнь Ларисы уже была однажды такой, что ее хотелось остановить и поставить на повтор на сто тысяч лет вперед. Жизнь в динамике, смене увлечений, переизбытке радости. Деньги падали с деревьев, шалаши строились из картона.

Детство Ларисы – это дырка в заборе школы напротив. Это лес по соседству зовущий и тревожный. Это горка слоником, под которой спрячетесь вдвоем с подругой, это неспелые яблоки с солью и сахаром – как кому больше, а можно по очереди. Это игры в прятки, догонялки, в магазин за кирпичным прилавком – странной постройки на территории школьного двора. Детство Ларисы – это отчаянные крики, это вскинутое лицо к небу, это мольбы остановить чужие руки, оставить ее тело без щекоток жестоких. Это костер в мусорном баке в форме воробушка и обиженный палец, вырвавшееся от неловкости собственной глупости: «ой». И когда летишь в самый верх, почти солнышком. И когда голову вскидываешь в мольбах к нему. И когда обжигаешься пламенем, и криком исходишь – это все Лариса от начала до конца.

Но в моменты, когда Лариса взлетала к небу и терялась на миг в лучах солнца, рядом с ней была еще одна Воронцова, другая темноволосая кудрявая девчонка с такими же из пластилина вытянутыми чертами: такой же длинный тонкий нос, острый подбородок и выпуклая нижняя губа, так и не потерявшая детскую форму с годами.

И в то время, как Лариса притягивала взгляды и сердца широкой улыбкой и шумным веселым смехом, Катя молча наблюдала где-то рядом.

Конфликт случился из столкновения «моего», «твоего», «нашего». Из необходимости делить на эти категории. Из страха, что лучшее достанется кому-то другому, из веры в существование этого самого лучшего, из зависти к радости – из большого фокуса не в себя внутрь, а наружу.

Лариса рисовала в книгах Кати, отбирала игрушки и не давала с ними играть, Катя ворчала, жалуясь родителям, она ворчала, жалуясь спасенным от плена игрушкам, ворчала и ворчала, совсем не наслаждаясь отведенным временем детства. Иногда она набиралась сил и храбрости, чтобы противостоять условной обидчице, что озоровала от любви, нисколько не злости, Катя набиралась сил, чтобы с легкостью оставить синяки на тонкой коже сестры. Тогда Лариса, еще больше перевозбуждаясь, вспоминала про зубы и теряла чувство силы, теряла чувство игры, пока не начинала идти кровь – предвестник крика.

И тогда перемирие.

Но истории с порчей вещей повторялись (моим, твоим, не нашим). Опять истории: это всему виной другая (и не важно, какая именно). Это собственничество, развитое до абсурда, когда две одинаковых вещи помечаются – только тронь мое (не твое, не наше).

Хотя чаще Лариса боялась признаться в сделанном. Когда нажимала на кнопки техники – звуки, она ловила звуки с самого детства, голоса техники. Ее брала стыдливость за неловкость, и она переносила вину с себя на другую: другая, не я. И сама себе верила.

Дедушка смастерил два стула, каких красивых два стула. Один – твой, другой – мой. Теперь у нас с тобой поровну. Очень красиво. Твой и мой. Выбирай свой. Только после того как выберешь, глаз не смей подводить к моему, слышишь? Не подводи. Как не подвести… Сделать все, чтобы не подвести. Но как различить? Не знаю, как, но я узнаю. Узнаю, если подведешь меня. Не будь дурой. Лучше быть дурой, чем подвести. Расколись, как узнала. Расколись. По сколу – можно узнать стул, по сколу на задней синей ножке.

Шалаш под столом, пледы, одеяла. Взрослые голоса в другой комнате. Если брызнуть духи на светящуюся лампу – разойдется ли запах. Будет ли запах. Будет взрыв, раскол. Это не я – говорит та, кто та. Чаще всего неважно кто, одна из двух чаще всего.

Попеременно не замечать друг друга. Развиваться так, будто и вовсе никакой сестры нет.

Только когда Лариса вскидывала волосы вверх на качелях и ловила ртом воздух, Катя стояла и смотрела, сдвинув недовольно брови. И пока одна Воронцова росла в любви к миру, любви к себе и к жизни, другая замыкалась внутри себя и отказывалась верить в реальность мира. Смотря на свою сестру, исчезающую в слепящей яркости неба, она представляла, как это небо будет под ее ногами, и сестра будет под ее ногами, и не будет на лице Ларисы больше этой глупой радости, и превосходства не будет, и вообще ничего не будет.

Нет и не будет черного и белого, нет хорошего и плохого, как не хочется взять в руки краски. Случались моменты и близости и взаимной радости, розыгрышей окружающих, сыграем в игру: мама, как ты могла опять нас спутать.

Сыграем в игру: нарисуем на старом ежедневнике, подаренном отцу на работе, нарисуем символику, означающую волшебство, как учит сериал про трех сестер по стс, делающую рисующих настоящими магами, где же наша третья, где же, как же мы могли потерять ее, будь она, символ работал бы. Однажды мы встретим. Перемешаем все жидкости в ванной, может быть, хоть так что-то в нас проснется, если все смешать, появится ли магия? Давай все смешаем, не оставим ничего, все, все смешаем. Берем емкость, в которой будет храниться зелье. Все перемешиваем и будем теперь готовы. Как к чему, мы теперь готовы ко всему, еще бы наконец появилась третья, чтобы наша сила стала действовать. А сейчас… подождем, вот-вот, она появится, это точно.

Долго хранилось зелье, влитое во флакон из-под маминой краски, в углу под ванной, покрываясь пылью, пока однажды не привезли погостить двоюродную или троюродную – редко видимую, но с радостью встреченную, с такой необычайной радости, настолько далекую, что, возможно, впервые в жизни встреченную. И рука под ванную, и по грязи, но ничего, сейчас откроется смысл, сейчас появится смысл, сейчас наконец силы проснутся. Ей нужно было появиться, а потом исчезнуть, чтобы силы действительно проснулись. Правда силы их уже проснулись, так как никакой родственницы никогда не было. Детская фантазия создала третьего между девочками. Того, кто может защитить их от самих себя. Но об этом позже.

В обиде Катя научилась быть глубоко в себе. В простоте Лариса обращала внимания на близких и пыталась заботиться.

– Тебе некуда девать свою жизнь, раз ты круглосуточно убираешься от скуки.

Ответа и не было.

– Не понимаю, че ты делаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.